

УДК 7.074

**КРЕПОСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ГРАФОВ СТРОГАНОВЫХ:
КАЗУС ТЕПЛОУХОВЫХ¹***О. В. Игнатьева*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
ignatieva2007@rambler.ru

Рассматривается проблема взаимосвязи европеизации и частного коллекционирования в провинциальной России XIX – начала XX в. на примере пермских имений Строгановых. Обосновывается тезис о роли частного собирательства в приобщении крепостных служителей к ценностям европейской культуры через подражание аристократическим практикам коллекционирования. Делается вывод о том, что на протяжении XIX – начала XX в. коллекционирование древностей эволюционирует от сугубо аристократического к общественному занятию.

Ключевые слова: история России в XIX – XX вв., культура России, частное коллекционирование, провинциальные коллекционеры.

Частное коллекционирование в России первоначально носило аристократический характер, но постепенно, начиная с XIX в., собирательство охватывает более широкие, образованные круги общества. В случае с крепостными коллекционерами графов Строгановых мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда аристократическое занятие приобретает особые формы, переходя от патронов к крепостным служителям.

«Строгановский регион» – понятие, с помощью которого фиксируют особый статус Строгановых и их «империи» как государства в государстве. Строгановские вотчины изначально носили промышленный, а не аграрный характер, и в этом смысле их относят к разряду горнозаводских поместий, основой экономической жизни которых было заводское производство. Для управления горнозаводским хозяйством часть крепостных переводилась Строгановыми в статус служителей.

Статус служителей давал массу преимуществ по сравнению с положением крестьян и заводских рабочих, провинциального чиновничества и мещанства. Это прежде всего высокие оклады и натуральные надбавки, а значит, и материальный уровень жизни. Не случайно служба в их сознании была связана с представлениями о материальном благополучии [Голохвастова, 2004, с. 100], тем более что Строгановы запрещали служителям вести собственное хозяйство и служба была единственным источником их доходов. Служителей отличало «осознание своей близости к хозяину, сопричастности к власти» [Голохвастова, 2004, с. 106], в большей мере свойственное главноуправляющим, входившим в личную переписку с патронами по деловым и личным вопросам. Неудивительно, что служители не только старались закрепиться в этой социальной группе сами, но и рассматривали служение Строгановым как единственно возможный род деятельности для своих детей, ближайших родственников. Так складывались служительские династии, среди них самые известные – Волеговы и Теплоуховы.

В 1771 г. главное управление было перенесено графом А.С. Строгановым из села Новое Усолье в село Ильинское. Именно в нем стал создаваться не только административный, но и культурно-образовательный центр. Если в дворянских усадьбах театры возникали по инициативе помещиков, то в Ильинском театре, библиотека появляются благодаря усилиям и средствам служителей. Именно служители, получив образование, имея возможность приобщиться к столичной, городской культуре, осознавали свою просветительскую миссию.

Частное коллекционирование, как часть дворянской культуры и образа жизни, появляется в среде высших служителей, а именно главноуправляющих. В Ильинском уже в 1830-е гг. формируется собрание археологических древностей. Оно принадлежало управляющему Ильинским округом Пермского имения Строгановых Василию Алексеевичу Волегову (1807–1864). Описание этого собрания приводится в «Дорожных записках» П.И. Мельникова. Коллекция состояла из разного рода медных и бронзовых фигурок, бляшек, подвесок, пронизок и других, которые в своем большинстве относились к пермскому звериному стилю [Мельников, 1841].

В. А. Волегов, крепостной Строгановых, закончил в Петербурге Школу земледелия и горно-

заводских наук, с 1828г. служил в Пермском нераздельном имении Строгановых. В феврале 1837г. получил вольную, был управляющим Ильинским округом Пермского имения Строгановых, а с 1846 г. до конца жизни служил главноуправляющим Пермского имения Строгановых.

А.А. Спицын отмечает, что В.А. Волегов «живо интересовался местными древностями. Он начал собирать археологические находки очень рано и совершенно самостоятельно. Попавший в руки Волегова несколько позднее туйский клад вызвал переписку его с гр. С.Г. и руководство поездкою Сюезева на р. Туй; позднее личные свидания с графом должны были непрерывно питать его любознательность и давать ей направление. У него же на руках оставались и вещи, не попавшие в Петербург» [Спицын, 1902, с. 2].

В 1840-е гг. из пермских имений Строгановым было доставлено несколько ценных археологических кладов, включающих серебряные чаши, сасанидские монеты и украшения. Граф. С.Г. Строганов, о котором писали в свое время, что «среди трудов государственной важности граф находил еще время заниматься своей любимой наукой – русской археологией, посвящая ей все досуги и предаваясь ей с чисто юношеским увлечением» [Чичерин, 1989, с. 374 – 375], конечно, не мог не заинтересоваться пермскими древностями. Он отправляет из Москвы управляющему имением гр. Г.А. Строганова Ф.А. Волегову характерное письмо (пересланное последним в копии «для ведома» в село Ильинское В.А. Волегову): «Так как батюшка мой совсем не занимается археологиею и потому не имеет в таких вещах никакой нужды, я же страстный до них охотник, то прошу вас на будущее время извещать прямо меня о всех подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображением чудских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть мною ценимы не ниже серебряных. Также прошу вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в таких случаях, если такие вещи будут открыты не в имении батюшки, а в других соседственных местах и посторонними людьми, от коих я мог бы оные приобретать» [Архив..., Ф. 5. Арх. 258, № 1640].

В.А. Волегов не только собирал археологические древности, но и с помощью способных мальчиков, учившихся в школе с. Ильинское, а также крепостного рисовальщика Г.К. Козьминых зарисовывал их в альбом, описывал условия находок и обстоятельства приобретения. «Вы и теперь с большим вниманием пересматриваете это собрание великолепных, чрезвычайно точно и нарядно исполненных акварелей, изображающих серебряные чаши с неразгаданными письменами, ряд загадочных чудских образков, любопытного медного всадника, прекрасные бусы, разнообразные подделки из золота, нефрита и пр., а в ту пору эти рисунки были сущим кладом» [Спицын, 1902, с. 6].

После смерти В.А. Волегова в 1864г. его вдова распродает археологическую коллекцию. Часть коллекции приобретает Й.Р. Аспелин и в 1877г. издает Атлас финно-угорских древностей. С 1873г. коллекция Й.Р. Аспелина хранится в фондах Национального музея Финляндии в г. Хельсинки [Игнатьева, 2009, с. 63–64]. Другая часть коллекции В.А. Волегова была приобретена А.Е. Теплоуховым, новым главноуправляющим пермскими имениями графов Строгановых.

Таким образом, практика коллекционирования древностей главноуправляющими Строгановых сложилась при В.А. Волегове как подражание своим патронам и во многом благодаря предпринятию Строгановых собирать археологические находки на территории своих имений. О собирательской деятельности В.А. Волегова сохранилось не так много сведений, но эпистолярное наследие, дневниковые записи, научные работы А.Е. и Ф.А. Теплоуховых позволяют рассмотреть значение коллекционирования для их жизненного мира.

Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885) происходил из семьи крепостных служителей, благодаря Строгановым получил образование в одном из лучших высших учебных заведений по лесному делу – в Тарандтской королевской лесной академии в Саксонии. Около сорока лет Александр Ефимович состоял на службе у Строгановых, главным образом в Пермском имении, где дослужился до главноуправляющего, был главным лесничим и единственным в России домашним учителем лесоводства. Создав первое русское руководство по управлению помещичьим лесным хозяйством, Теплоухов заслужил на этом поприще титул «патриарха русского лесоводства»².

Коллекционирование, по сути, входило в круг служебных обязанностей А.Е. Теплоухова. Кроме того, Александр Ефимович стал основателем и своего семейного собрания, особое место в котором занимали археологические древности. А после выхода в отставку коллекционирование и занятие археологией являлись его основным жизненным интересом.

Большое влияние на А.Е. Теплоухова как в отношении коллекционирования, так и в плане

определения элементов образа жизни оказали представители семьи Строгановых, особенно граф Сергей Григорьевич Строганов. Находясь в качестве секретаря на службе в доме Строгановых, А.Е. Теплоухов мог непосредственно наблюдать образ жизни, стиль общения, внешнее поведение, занятия в свободное время. Видимо, в связи с этим появляется и желание вести личный дневник начиная с 1829 г., ведь «ведение дневника было частью системы воспитания и образования в образованных дворянских семьях того времени» [*Житомирская*, 1979, с. 70]. По мнению А.М. Эткинда, функцией дневника является документация своей идентичности. Поэтому своего рода культурный шок, который испытал А.Е. Теплоухов, оказавшись в Санкт-Петербурге, в доме высшей аристократии, не мог не привести к конструированию новой идентичности.

Одним из важных событий, повлиявших на Теплоухова, была его поездка с С.Г. Строгановым в Ригу в 1831 г. В дневнике путешествия, который А.Е. Теплоухов вел по примеру многих путешественников, отразилась его во многом еще подданническая психология, проявлявшаяся, в частности, в том, что он с благоговением принимал заботу о себе со стороны патрона: «Прекрасный Господин, я бесконечно благодарю его о моем попечении» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 22]. Кроме того, Теплоухов отдавал все свои письма для прочтения С.Г. Строганову, соблюдал его требование не заводить самостоятельных знакомств, читал книги из списка, рекомендованного Строгановым, принимал наставления, связанные с изучением немецкого языка, понимая свое путешествие как важную часть образования и воспитания.

Получив образование в Германии (1833–1838), оставаясь крепостным, А.Е. Теплоухов приобщился к европейскому образу жизни. Ему было предложено остаться в качестве преподавателя в Тарандтской королевской лесной академии, речь даже зашла о его женитьбе на дочери профессора К.Л. Крутча. Вернувшись к Строгановым, он получил свободу, женился на Р.К. Крутч, но до конца своих дней считал себя во всем обязанным семье Строгановых, служа им не за страх, а за совесть.

В 1847 г. А.Е. Теплоухов приехал в Пермское имение Строгановых вступил в должность главного лесничего. Вероятно, он стремился создать вокруг себя привычную обстановку, чему способствовали служба, занятия наукой и педагогической практикой, создание личной библиотеки, а также манера одеваться, курение табака, употребление хорошего чая и кофе.

Основной деятельностью А.Е. Теплоухова являлась организация лесного хозяйства, и в этом он добился выдающихся результатов: «История русского помещичьего лесного хозяйства не знает другого примера, когда в таком большом масштабе развертывалась бы творческая деятельность лесничего, поставившего перед собой задачу наладить лесное хозяйство на сотнях тысяч гектаров лесов, учитывая интересы крестьян и будущее наших лесов» [*Бейлин, Парнес*, 1969, с. 81].

После смерти В.А. Волегова Теплоухов был также назначен главноуправляющим, появились новые обязанности. Кроме того, С.Г. Строганов обратился к нему, по сути, с требованием продолжить и по разыскивать и покупать у местного населения археологические находки и клады: «В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср[едней] Азии в первых веках после Рож[дества] И[исуса] Х[риста]. На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где по близости Волги или Камы [произошло] разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на Север и населила север России и берега Балтийского моря! В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне <...> к отысканию Археологических памятников означенной эпохи, и радушно и щедро расплачивать[ся] моими средствами. Граф Сергей Строганов» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 192. Л. 7].

Можно реконструировать, каким именно образом практика коллекционирования входила в круг повседневных занятий А.Е. Теплоухова.

После смерти В.А. Волегова и покупки у его вдовы части археологической коллекции, с 1864 по 1867 г., Александр Ефимович присматривался к этому занятию, приводил в порядок альбом рисунков, выполнял поручение С.Г. Строганова относительно приобретения новых находок.

К 1867 г. А.Е. Теплоухов осваивается в новом для себя занятии, заводит по примеру «Лесохозяйственных путевых заметок» археологический дневник, в который заносил сведения об археологических находках и кладах, о приобретении древностей в свою коллекцию. Дневник велся Александром Ефимовичем в течение 18 лет, после его смерти Ф.А. Теплоухов продолжил ведение запи-

сей в археологическом дневнике. По характеру записей в дневнике видно, как постепенно занятие коллекционированием увлекает А.Е. Теплоухова: от сообщения скурых статистических сведений о находках он переходит к описанию археологического характера, появляется дневник, ориентированный на профессиональную область: «Сперва записи о находках помещаются очень краткие, как бы для каталога. Со страницы 9-й дневнику дается название "Замечания о городищах, местах нахождения древностей и находках", и вместе с тем вырабатывается определенный, широкий план его, который сохраняется на долгие годы» [Спицын, 1902, с.17]. Дневник был всегда под рукой, в него постоянно вносились информация.

О способе пополнения археологической коллекции говорит следующее высказывание А.Е. Теплоухова: «Мои лета и денежные средства не позволяют мне предпринимать разъезды и раскопки в больших размерах. Однако крестьяне часто приносят мне и продают старинные изделия, которые они собирают при обработке своих полей, и моя коллекция, таким образом, значительно увеличивается бронзовыми и другими древностями из чудских поселений» [Теплоухов, 1880, с. 4]. Как указывает А.А. Спицын, основной способ собирательства для А.Е. Теплоухова – через подчиненных. Воспитав плеяду помощников, смотрителей, связанных с организацией лесного хозяйства, он вовлек их в деятельность по покупке древностей [Спицын, 1902, с. 7]. А.Е. Теплоухов увлек собирательством своих детей, например, его дочь Екатерина Александровна привезла много находок из Кудымкара.

Особо ценные предметы, как и положено, передавались С.Г. Строганову. За время своей службы А.Е. Теплоухов не раз радовал графа интересными находками. У себя он оставлял менее важные предметы, а также находки со свободных крестьянских земель. Но и за эти находки, оставленные в своей коллекции, А.Е. Теплоухов переживал, не хотел с ними разлучаться ни при каких обстоятельствах, допуская возможность притязания на них С.Г. Строганова, а также Императорской археологической комиссии. Поэтому мало кому в России его коллекция была известна, поиск аналогов А.Е. Теплоухов был склонен искать скорее в Европе, чем на родине. Большая часть научных публикаций по археологии также выйдет в Европе, на немецком языке.

Он состоял в научных обществах, был членом Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, Антропологического общества в Вене и Финно-угорского общества в Гельсингфорсе.

Всего в коллекции, собранной А.Е. Теплоуховым, насчитывалось 2702 вещи и 1069 черепков, занесенных в дневник [Спицын, 1902, с. 8].

Предметы из своей коллекции А.Е. Теплоухов брал в путешествие по Европе – Германии, Италии, Швейцарии. Всюду он осматривал археологические собрания, знакомился с археологической литературой, покупал и обменивал вещи, а также посещал европейские музеи, интересовался методами классификации и хранения, использовал новые технологии в работе со своей коллекцией.

Совершал А.Е. Теплоухов поездки по интересующим его в археологическом отношении местам, пользуясь даже малейшей возможностью для отыскания древностей, что, конечно, негативно сказывалось на сохранении археологических памятников: «В прошлом году (1879) во время посещения моих родственников в Кудымкаре, я с археологической целью осмотрел окрестности села и вблизи его на высоком берегу Кувы, нашел место под пашнями с явными признаками городища, занимающее около полудесятины пространства. Не имея достаточно времени на собирание вещей, я пригласил тогда детей местных жителей, учеников школы, и показал им, чего они должны искать в этой местности, обещая за каждую, даже мелкую вещицу от 1 до 10 копеек. С прилежанием муровья принялись они за рытье земли куштанам, палками и пальцами» [Теплоухов, 1880, с. 41].

Таким образом, жизненные обстоятельства предоставили А.Е. Теплоухову возможность следовать двум культурным ориентирам – российской аристократии и европейских интеллектуалов. Наиболее важной для него была ориентация на дворянскую культуру. Для дворянства коллекционирование было одной из форм интеллектуального досуга, проявлением личного интереса мог объясняться выбор предмета собирательства. Интерес к археологии, коллекционированию древностей в середине XIX в. оценивался очень высоко, такие примеры, как граф А.С. Уваров, граф С.Г. Строганов, тому подтверждение.

В 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, в чьем ведомстве находилось не только проведение археологических раскопок, но и учет археологических находок на государственных землях и размещение наиболее ценных в Эрмитаже. Возглавил комиссию граф С.Г.

Строганов, но мог претендовать на эту должность и граф А.С. Уваров. Уход Уварова с государственной службы и основание им Московского археологического общества во многом объясняется несостоявшимся назначением.

Археология рассматривалась в середине XIX в. как наука для богатых: возможностями для проведения археологических раскопок, приобретения ценных находок, издания каталогов коллекций обладали очень немногие.

А.Е. Теплоухов начинает собирать личную коллекцию древностей в тот период, когда занятие археологией было вполне аристократической практикой. Это увлечение служит поводом для их общения с С.Г. Строгановым не как с начальником. Но для этого А.Е. Теплоухову нужно было не только присылать купленные находки, но и быть способным вести диалог на научные темы, связанные с археологией. Постепенно лесоводство отходило на второй план, а А.Е. Теплоухов с увлечением занимается пополнением и изучением своей коллекции.

Приобщение к европейской культуре через немецкое образование, близость к европейскому профессорскому кругу, знание языка, освоение немецкого пространства, поведенческого кода (занятия наукой, публикация статей в зарубежных и отечественных научных журналах, переписка с учеными, пополнение научной библиотеки) не противоречило коллекционированию. В Европе XIX в. коллекционирование стало повсеместной практикой, способствующей развитию науки и образования.

Именно через коллекционирование А.Е. Теплоухов в какой-то степени преодолевает социальные преграды и сокращает расстояние между провинциальным селом Ильинским, столичными и европейскими научными центрами. Но ощущение собственной свободы было еще робким и нуждалось, с одной стороны, в постоянном подтверждении нового статуса, с другой стороны, в охране своей коллекции от всех тех, кто мог на нее претендовать.

После смерти А.Е. Теплоухова на семейном совете было принято решение не делить коллекцию, а передать ее одному из членов семьи, кто в наибольшей степени проявит к этому интерес. Таким человеком стал Федор Александрович Теплоухов (1845–1905).

Федор Александрович в получении образования пошел по пути А.Е. Теплоухова: получив профессию лесовода в Тарандтской королевской лесной академии. Еще обучаясь в Пермской гимназии, Ф.А. Теплоухов переписывается с отцом, с которым у него сложились особенно тесные и доверительные отношения.

С раннего детства Федор Александрович помогал А.Е. Теплоухову, зарисовывая археологические находки, хотя его профессиональные интересы были далеки от археологии и древней истории. Разделяя многие увлечения отца, Ф.А. Теплоухов, тем не менее, не планировал служить вдали от столиц, в Ильинском, он мечтал о призвании профессора ботаники или зоологии. Поэтому он не только блестяще учился в Германии, но и вынужден был с целью подтверждения диплома и получения степени поучиться в Петровско-Разумовской академии. За годы учебы в академии Федор Александрович получил большую золотую медаль за научную работу о короедах, принимал участие в геологической экспедиции на Алтай, в устройстве и организации лесного отдела на Политехнической выставке 1872 г. Будучи лично известен министру государственных имуществ П.А. Валуеву, он вполне мог рассчитывать как на должность профессора в академии, так и на иную служебную карьеру. Однако вместо этого Ф.А. Теплоухов принял назначение на должность лесничего в Пермское имение Строгановых: «Но не поступить на службу к графу — положительно нельзя. Представьте себе, если я вдруг остануся здесь. Я уверен, что в таком случае многие из тех, которые удивляются теперь, зачем я еду в Пермь, стали бы кричать, что это черная неблагодарность. Учился, начиная с гимназии, на средства Строганова, а потом и раскланялся» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 418. Л. 176]. Ф.А. Теплоухов еще надеялся, что, закончив службу в Ильинском, он сможет получить место в одном из столичных университетов. Но судьба распорядилась иначе, и Федор Александрович более тридцати лет прослужил в Ильинском, заняв должность главного лесничего после выхода в отставку А.Е. Теплоухова.

Своего рода катализатором размышлений о своем предназначении, месте в жизни для Ф.А. Теплоухова, видимо, послужил опыт пребывания и обучения в Германии: «Да, время летит стрелой и вот уже месяц последнего семестра за мною; а потом что? — Я так привык к этой спокойной, вольной жизни, так свыкся с здешними людьми, нравами, обстоятельствами, что как будто бы родился здесь, а жизнь в Ильинске и Перми кажется длинным сном» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д.

418. Л. 185].

В Германии, в академии, Ф.А. Теплоуховым были сформированы определенные представления о профессии лесовода и требованиях к его подготовке: «Из Германии я привез с собой представление о профессоре технических наук, каким является в наше время лесовод, как о человеке, равно знакомым как с теорией, так и с практикой. Это и есть самая слабая сторона Петровской академии, что профессора специальных наук смотрят на свои предметы как на какие-то чистые науки вроде высшей математики, которые можно изучать и читать, не выходя из кабинета» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 120]. Неудивительно, что возвращение из Германии в Россию воспринималось Ф.А. Теплоуховым как некая миссия: «Здесь, в центре цивилизации, где плоды ее: библиотеки, театры, концерты, собрания и пр., пр., так сказать, окружают нас, конечно приятнее жить, чем где-нибудь в глуши в Перми, кто бы вздумал отрицать это! Но я знаю, что прислан сюда не для того, чтобы наслаждаться дарами ее и я не упускаю ни на минуту из глаз цель, к которой я должен стремиться» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 159].

В Петровско-Разумовской академии Ф.А. Теплоухов пытался найти единомышленников. Вот как он описывает небольшой круг людей, увлекавшихся ботаникой и энтомологией и собиравшийся у князя Вяземского³: «Но в их коллекциях и вообще занятиях господствует полнейшая небрежность и по их словам моя коллекция насекомых и гербарий – "чисто немецкие", как будто не может существовать порядочной русской коллекции!» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 2].

В письмах к отцу Ф.А. Теплоухов делился и своими страхами относительно возвращения на службу в Пермскую губернию: «Вчера я опять был у Н.Н. в конторе. В разговорах он не сказал ничего нового, за исключением разве того, что нам, молодым людям, предстоит на Урале еще другое, "цивилизаторское" назначение. Нужно обходиться с людьми гуманно, а не корчить из себя какого-то владыку, как покойный Демидов⁴, который казался в Москве порядочным человеком, а в Очере <...> сделался "порядочным скотиной"» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 175].

Ф.А. Теплоухов особенно переживал то, что не сможет заниматься наукой как основным своим предназначением: «Одно только предвижу, что я не вытерплю так долго, если буду лишен возможности уделять главную часть времени на научные занятия. После всех трудов и успехов на этом пути, я не способен превратиться в "служителя", хотя бы и "высококачественного", ставящего <...> цель своей жизни <...> канцелярской службе» [ГАПК. Оп. 1. Д. 418. Л. 125].

Оказавшись на службе в Пермском имении Строгановых, Ф.А. Теплоухов достаточно быстро переключил внимание на занятие археологией и этнографией. Свои служебные обязанности он, как и А.Е. Теплоухов, исполнял на самом высоком для того времени уровне, благодаря чему в 1896 г. лесное хозяйство Пермского имения графа Строганова, представленное на Всероссийской художественно-промышленной выставке, было удостоено высшей награды – золотой медали. Однако интерес Строгановых к лесному хозяйству падал, а вместе с этим становились невостребованными и усилия Ф.А. Теплоухова как лесовода. Поэтому занятие наукой, участие в научных обществах, которые в этот период активно развивались, в основном на общественных началах, стали важной частью жизни Ф.А. Теплоухова.

По специальности натуралист, по профессии лесовод, Ф.А. Теплоухов сначала взял на себя лишь обязанности «оберегателя отцовской коллекции» [Стуцын, 1902, с. 12]. Таким образом, первоначальным ориентиром в собирательстве для Федора Александровича было семейное окружение, может быть, желание соответствовать ожиданиям А.Е. Теплоухова. Но постепенно все менялось, и коллекционирование, научная работа, связанная с собиранием, становились настолько важным делом, что даже появившаяся в связи со смертью С.Г. Строганова возможность вернуться к профессорскому призванию не была использована. Ф.А. Теплоухов окончательно остался в Ильинском.

Если А.Е. Теплоухов пользовался в деле собирания археологических предметов услугами подчиненных ему лесных смотрителей, то Федор Александрович считал это нежелательным для служебных отношений. Он прибег к услугам своего личного знакомого – окружного лесничего И. Я. Кривошекова, который не только приобретал для него много вещей, но и собирал ценные сведения о местах находок и о городищах в верховьях рек Камы и Чусовой. Немало предметов древности поступило в коллекцию от народных учителей, а также от нескольких официальных и частных лиц (от секретаря Пермского статистического комитета, судебных следователей, миссионеров и т.д.). Наиболее ценные предметы археологической коллекции приобретены Ф.А. Теплоуховым у ильинских торговцев и промышленников, имевших торговые связи с населением в верховьях Ка-

мы, Иньвы и других рек. Чтобы скупщики имели представление о том, что нужно приобретать, Ф.А. Теплоухов знакомил их со своей коллекцией и настаивал на том, чтобы они записывали места находок. Новые возможности для пополнения коллекции открыли для Ф.А. Теплоухова археологические богатства, совершенно неизвестные его отцу.

Благодаря археологической коллекции Ф.А. Теплоухов стал членом нескольких археологических обществ, в частности, Московского археологического общества. При этом, приняв коллекционирование как семейную традицию, Ф.А. Теплоухов был лишен тех страхов перед публичным раскрепощением собрания, которые были свойственны его отцу. Получив новые возможности для пополнения коллекции и в несколько раз увеличив ее, Федор Александрович более активно участвовал в научных обществах, съездах и исследованиях. Коллекционирование стало той самой возможностью для занятия наукой, о которой он так мечтал, а село Ильинское, по признанию современников, превратилось в настоящий научный центр, куда стремились попасть известные отечественные и зарубежные ученые. Так, в 1887 г. село посетил антрополог, этнограф, географ, археолог и музеевед Д.Н. Анучин, в 1893 г. – профессор Казанского университета И.Н. Смирнов и профессор из Гельсингфорса А.К. Гейкель, в 1896 г. – французский путешественник барон Ж. де Бай, в 1897 г. – английский метеоролог Р. Эберкромби.

Представление коллекции на археологическом съезде или выставке требовало долгой и кропотливой подготовительной работы. А.А. Спицын отмечает, что «подготовление собрания к Московскому съезду заняло у Ф. А. не менее года усидчивого труда» [Спицын, 1902, с. 14]. Каждый раз коллекция представлялась в идеальном порядке с сопутствующими описаниями.

В Ильинском «коллекция гг. Теплоуховых всегда сохранялась в образцовом порядке. Временами вещи нашивались на таблицы, но обыкновенно они сохранялись в коробках. Каждая вещь имеет ярлычок с обозначением места находки и страницы дневника, где она описана. В настоящее время собрание разложено в отдельных коробках, по местонахождениям, в пяти больших ящиках, из которых каждый заключает древности одного периода. Возможно меньший объем и компактность приданы коллекции из предосторожности на случай пожара» [Спицын, 1902, с. 18].

За период собирательской деятельности Ф.А. Теплоухова коллекция выросла до 5930 предметов, а с учетом черепков, занесенных в дневник, составила более 7000. Главным образом, это находки средневекового времени, украшения, предметы пермского звериного стиля, орудия труда.

Ф.А. Теплоухов продолжил ведение археологического дневника, в котором фиксировал не только приобретаемые археологические находки, но и интересующие его сведения о коллекциях и археологических находках, встречающихся в периодической печати. В настоящий момент археологический дневник Теплоуховых хранится в рукописном архиве Института истории материальной культуры, в городе Санкт-Петербурге. Практически все исследователи, занимавшиеся изучением археологии Пермского края, начиная с А.А. Спицына обращаются к этому источнику.

В 1892 г. Ф.А. Теплоухов, понимая всю важность описания имевшихся в его коллекции находок, приступил к подготовке для печати каталога. Большую помощь в этом Федору Александровичу оказал А.А. Спицын, который несколько раз приезжал в Ильинское, а также поддерживал постоянную переписку с Ф.А. Теплоуховым. В 1902 г. А.А. Спицын с разрешения и одобрения, а также при всяческой помощи Ф.А. Теплоухова опубликовал атлас рисунков «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых».

Работа по систематизации коллекции привела Ф.А. Теплоухова к необходимости написания и публикации научных работ по археологии. Около половины всех научных работ Ф.А. Теплоухова составляют публикации по археологии и этнографии, оставшаяся часть – публикации по ботанике и лесоводству. Но если лесоводству и ботанике Теплоухов учился в двух высших учебных заведениях, в Европе и России, то научные открытия в области археологии появляются только благодаря собиранию коллекции и систематической работе с ней.

Очевидно, что коллекция позволила Ф.А. Теплоухову состояться как ученому в археологической науке, несмотря на то что, уезжая в Ильинское, он опасался лишиться возможности заниматься наукой, в которой видел свое предназначение. Действительно, Ф.А. Теплоухов, исследуя прежде всего находки из своей коллекции, в большинстве случаев выступив первопроходцем в этой области. А.А. Спицын, хорошо знакомый с трудами Ф.А. Теплоухова, отмечал, что они «по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место» [Спицын,

1902, с. 15].

Таким образом, коллекционирование стало смыслом жизни для Ф.А. Теплоухова, позволило примириться со многими обстоятельствами, казалось бы, мешавшими ему реализовать себя как ученого. Из переписки с научными обществами и учеными [ГАПК. Ф. 613] явствует, что они обращались к Ф.А. Теплоухову прежде всего как к коллекционеру, владельцу уникального собрания пермских древностей. Осознание своей миссии собирателя было связано еще и с тем, что многие археологические находки пропадали для науки (переплавлялись, продавались заезжим туристам, отдавались детям в качестве игрушек). В этом смысле коллекция и коллекционер позволяли сохранить историческим источникам и артефактам.

Ф.А. Теплоухов, как коллекционер, ориентировался на раскрепощение своего собрания, на возможность активного участия в научной и общественной деятельности, что являлось характерными чертами провинциальной интеллигенции [Змеев, 2006].

К концу XIX в., в том числе благодаря деятельности Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества, собирательством археологических находок были заняты широкие социальные слои в провинции: дворянство, купечество, студенчество, духовенство, учителя и врачи, крестьянство. Собирательство и поиск сокровищ для кого-то были способом получения дохода, а для провинциальной интеллигенции – возможностью участия в организации музеев и научных обществ.

Ф.А. Теплоухова вполне можно отнести к разряду интеллигента – «культурника», влекомого чувством нравственного долга к просвещению и переустройству своего «малого отечества» [Там же, с. 62]. Для его деятельности характерно «смещение благотворительных, творческих, просветительских и научных интересов» [Там же, с. 64]. Коллекционирование соответствовало всем этим интересам.

Благотворительный интерес можно усмотреть в том, что семья Теплоуховых задумывалась о передаче коллекции Пермскому университету, понимая всю ценность и значимость собрания [Игнатьева, 2009, с. 77]. Просветительские интересы Ф.А. Теплоухова обнаруживались в участии в открытии и работе Пермского музея, в чтении публичных лекций по материалам своего собрания. Научный и творческий интересы давали возможность Теплоухову публиковать статьи, участвовать в работе научных обществ, общаться с известными учеными своего времени. С учетом того, что все научные работы по археологии Ф.А. Теплоухов писал на основе своего собрания, а археология Пермского края представляла собой в то время практически чистый лист, возможностей для творческих открытий было много. Например, Теплоуховым создана первая классификация сюжетов и образов в пермском зверином стиле, высказаны предположения по поводу использования культового литья, введены некоторые названия, например «ящер».

На примере А.Е. и Ф.А. Теплоуховых можно наблюдать разное проявление субъектности и потребности в самореализации через коллекционирование. Обстоятельства жизни А.Е. Теплоухова, в первую очередь крепостная среда, в которой он был воспитан, сохранили влияние на его мироощущение, несмотря на европейское образование и успехи в профессиональной деятельности. Ориентируясь в своем поведении на С.Г. Строганова, А.Е. Теплоухов открыл для себя коллекционирование археологических древностей, и оно стало для него своего рода личным, потом и семейным пространством, позволявшим реализовывать себя в свободных от непосредственного контроля занятиях. Ф.А. Теплоухов еще в период обучения осознал свое предназначение профессионального ученого. Но долг перед Строгановыми, авторитет А.Е. Теплоухова заставили его уехать из центра научной жизни в провинцию, где, казалось бы, реализовать себя как ученого было практически невозможно. Воспользовавшись шансом в виде семейной коллекции, собранной А.Е. Теплоуховым, Федор Александрович не просто состоялся в социально значимой деятельности, в коллекционировании. Он занял активную позицию в общении с научным сообществом, ощутив нужность своей собирательской и просветительской деятельности и в конце концов став признанным ученым, в чем находил свое предназначение.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ПГГПУ, проект № 034-ф.

² См.: Теплоухов А.Е. Устройство лесов в помещичьих имениях: руководство для управителей, лесничих и землемеров. СПб., 1848; Он же. Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении гр. Строгановой. Пермь, 1881.

³ Возможно, речь в письме идет о Борисе Леонидовиче Вяземском (1848–1909). Одним из увлечений князя Вяземского были фенологические и орнитологические опыты. Он много лет наблюдал за явлениями природы, составил местный фенологический календарь, проводил в имении Лотарёво ботанические опыты. См.: Вяземские // Большая Российская энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 198.

⁴ Вероятнее всего, речь идет об управляющем Очерским округом Егоре Константиновиче Демидове. Был дворовым мальчиком у Е.П. Строгановой, получил прозвище Керубино; в 1843 г. стал личным секретарем С.В. Строгановой, постаревшим был отправлен управляющим в Очер См.: Малков Ф.М. В старом Очере: Записки краеведа. Пермь, 1959.

Библиографический список

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 5, арх. 258, № 1640.

Государственный архив Пермского края. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 22; Д. 192. Л. 7; Д. 418. Л. 125, 176, 185; Д. 419. Л. 2, 120, 159, 175.

Бейлин И.Г., Парнес В.А. А. Е. Теплоухов. М., 1969.

Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.

Житомирская С.В. Дневник дочери декабриста // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. М., 1979.

Змеев М.В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX – XX вв. На материалах Пермской губернии. Пермь, 2006.

Игнатьева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. Пермь, 2009.

Мельников П.И. Дорожные Записки из Тамбовской Губернии в Сибирь. Статья восьмая, с рисунками (Обва. – Бармийцы. – Пермские древности. – Кабинет г-на Волегова) // Отеч. записки. 1841. Т. 18.

Михеев М. Дневник в России XIX – XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902.

Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. Урал. общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1880. Т.6, вып.1.

Чичерин Б.М. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.11.2014

SERF ART COLLECTORS OF THE STROGANOV FAMILY: THE TEPLOUKHOVS' CASE

O. V. Ignatieva

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
ignatieva2007@rambler.ru

The art collections of the Stroganov family's serfs signify a unique situation when the representatives of the dependent class inherit the practices of their lords. Vasily Volegov started to collect antiquities to emulate his patrons and to follow the orders given by the Stroganovs. The cases of Alexander and Fyodor Teploukhovs show the way art collecting helped to express one's selfness and demand for self-realization in different ways. The life of Alexander Teploukhov had a definitive influence of his serf status, but in spite of it he got European education and made significant professional success. Teploukhov used Sergey Stroganov's life as a model and practiced collecting of antiques that became his personal fascination in free time and finally grew into a part of his family's everyday life. Fyodor Teploukhov became conscious of himself as of professional academic while being a student, but his responsibility to the Stroganovs and Alexander Teploukhov's authority forced him to move from the capital. Nevertheless, he did not give up on his aspirations and used his father's personal collection to improve his own personal position as an academic and art collector. All of that helped Teploukhov to forge himself into a recognized scholar, educator and art collector by fulfilling his dreams of an academic career.

Key words: History of Russia in XIX – XX centuries, Russian culture, history of private art collecting, art collectors in the province.

References

- Beylin I.G., Parnes V.A. A. E. Teplouhov. M., 1969, P. 150.*
Vvedenskiy A.A. Trud v Rossii. L., 1924.
Golohvastova N.V. Krepostnye sluzhashie v sisteme upravleniya Ural'skogo gornozavodskogo imeniya v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (na primere permskih votchin Stroganovyh). Perm, 2004. P. 249.
Zhitomirskay S.V. Dnevnik docheri dekabrista // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiy. 1978. M., 1979.
Zmeev M.V. Zhiznenny mir russkoy intelligentsii rubezha XIX – XX vv. Na materialah Permskoy gubernii. Perm, 2006.
Ignatieva O.V. Permskiy zverinyy styl: istoriy kollektsey i ih izucheniy. Perm, 2009.
Mel'nikov P.I. Dorozhnye zapiski iz Tambovskoy gubernii v Sibir. Otechestvennye zapiski. 1841. T. XVIII. P. 63–65.
Miheev M. Dnevnik v Rossii XIX – XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst. M., 2006.
Spizyn A.A. Drevnosti Kamskoy chudi po kollekcii Teplouhovyh. SPb., 1902.
Tenbruk F. Reprezentativnaya kul'tura // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2013, T. 12, № 3, p. 93 – 120.
Teplouhov A.E. O doistoricheskikh zhertvennykh mestah na Ural'skikh gorah. Zapiski Ural'skogo obchestva lubiteley estestvoznaniya. Ekaterinburg, 1880. T.VI, vyp.1. P. 4 – 24.
Chicherin B.M. Moskva sorokovykh godov. Moskovskiy universitet v vospominaniyah sovremennikov (1755 – 1917). M., 1989.